

В отличие от пути других символистов развитие Иванова не имело фазы этического и эстетического эгоцентризма, столь характерной для Брюсова или А. Добролюбова. Требование отдачи человека целям сверхличным, осознание искусства как средства общественного преобразования и дела художника как миссии социальной — то, чем завершились творческие «распутья» Блока и Брюсова, — были для Иванова исходной позицией, с юности осознанной и устойчивой. Она четко проступает в контексте всего написанного Ивановым. Антииндивидуалистический пафос пронизывает многие строфы ранней ивановской лирики (1895—1902), собранной в книге «Кормчие звезды» (стихотворения «Аскет», «Вожатый», «Ночь в пустыне», «Вечные дары», «Вечная память» и др.). «Любовь, которая движет Солнце и другие планеты» (эти слова XIII песни «Чистилища» Данте Иванов предпослал раннему стихотворению «Дух») осознается как начало космическое. Жиздительная сила Солнца любви противопоставлена Ивановым (как и Соловьевым) силам тьмы, разрушения, зла. Они — временны, преходящи («Смерть и Время царят на земле, — Ты владыками их не зови». Вл. Соловьев). Солнце любви — вечно («неподвижно», т. е. незыблемо, у Соловьева). Разлившейся в мире стихии воинствующего эгоизма может преградить путь, по мысли Иванова, только человеческое братство:

Обособленного сознания
Ты сбросишь иго с вольных плеч.
Мы — знамя братского лобзанья;
Чтоб зваться Я, потребен меч.

(«Ночь в пустыне») ¹⁰

Стремление противопоставить (в духе известной антитезы Л. Толстого) «закону насилия» «закон любви» ¹¹ усиливается у Иванова в пору тяжких испытаний родины, в период русско-японской войны, в дни разгула контрреволюционного террора. «Закон насилия» был осужден Ивановым в строфах антисамодержавного цикла «Година гнева». Проповедь «закона любви» отзывалась у Иванова шире: оптимистическому мироощущению поэта утверждение было ближе, чем отрицание; автора «Кормчих звезд» вдохновлял более всего пафос «положительных начал». Воплотившаяся в эмблематике «Солнца-сердца» антииндивидуалистическая идея развивается и в других сферах творчества Иванова. В 1904—1908 гг. он пишет серию статей, выдвигающих задачу духовной и социальной интеграции, воссоединения личности и общества, народа и интеллигенции, художника и народа. Таковы «Юные Афины», «Поэт и Чернь», «Кризис индивидуализма», «О Шиллере», «Предчувствия и предвестия», «Байрон и идея анархии», «О веселом ремесле и умном веселии», «О „Цыганах“ Пушкина». В спорах с Брюсовым (отразившихся в их переписке 1904—1907 гг.), ¹² Иванов осуждает узость программы «Весов», их удаленность от действительности, эстетизм. Утверждая, что «демократия уже одержала победу

¹⁰ Еще прямее звучит этот призыв в ивановском вольном переложении из Новалиса:

Века кровопролитий
Пора похоронить.

В одно, что всеми бьется,
Сердца соединить...

(«Сказка прядет». — «Аполлон», 1910, № 7, с. 47).

¹¹ Как разновидность толстовства оценивал нравственные воззрения Иванова в 1905 г. А. В. Луначарский (в статье «Неприемлющие мира». — «Образование», 1906, № 8). Об особенностях восприятия Ивановым Толстого см. в сб. «Русская революция 1905 года и литература».

¹² См. «Валерий Брюсов». — Литературное наследство, т. 85. М., «Наука», 1976.